

INTERVIEWS FROM SWEDEN

ИНТЕРВЬЮ ИЗ ШВЕЦИИ

a 60-minute video tape

by

Viktoria Tsimberov and Roger Norum

Transcript of interviews

The production of the accompanying videotape was made possible by a grant from The Consortium for Language Teaching and Learning.

This booklet may be reproduced for the convenience of the teachers and students who use the accompanying videotape. It may not be reproduced for any other use without a written permission from the author.

Copyright 1999 Viktoria Tsimberov.

Inquiries about the videotape may be directed to:

Tape Sales
Language Learning Center
Noyes Lodge Cornell University
Ithaca, NY 14853
Tel. 607/255-7394, fax 607/255-6882

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1: ПРИЧИНЫ ЭМИГРАЦИИ	(8 мин.48 сек.)	1
Песня	(1 мин. 25 сек.)	5
1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон	(1мин. 33 сек.)	5
2. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская	(1 мин. 52 сек.)	6
3. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг	(1 мин. 39 сек.)	6
4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман	(1 мин. 49 сек)	7
Часть 2: ИЗУЧЕНИЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА	(5 мин. 20 сек.)	8
1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон	(1 мин. 03 сек)	8
2. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская	(1 мин. 08 сек.)	8
3. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг	(1 мин. 02 сек)	9
4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман	(1 мин.51 сек)	9
Часть 3: РАБОТА	(7 мин. 46 сек.)	11
1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон	(2 мин. 37 сек.)	11
2. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская	(2 мин. 09 сек.)	12
3. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг	(1 мин. 29 сек.)	12
4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман	(1 мин. 11 сек.)	13

Часть 4: ОБЩЕНИЕ	(7 мин. 39 сек.)	14
1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон	(0 мин. 49 сек.)	14
2. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская	(2 мин. 56 сек.)	14
3. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг	(2 мин. 00 сек.)	15
4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман	(1 мин. 38 сек.)	16
Часть 5: ПРАЗДНИКИ И КАК ОСТАТЬСЯ РУССКИМ В ЭМИГРАЦИИ	(7мин. 28 сек.)	17
1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон	(1 мин. 18 сек.)	17
2. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг	(1 мин. 38 сек.)	17
3. Рассказывает Ирина Васильевна Басман	(4 мин. 11 сек.)	18
Часть 6: МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ	(15 мин. 23 сек.)	20
1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон	(1мин.44 сек.)	20
2. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг	(3 мин. 07 сек.)	20
3. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская	(4 мин. 53 сек.)	21
4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман	(5 мин. 23 сек.)	23
Песня	(1 мин. 25 сек)	25

Часть 1: ПРИЧИНЫ ЭМИГРАЦИИ

Песня:

Долго ль мне, долго ль мне бродить по свету,
То в коляске, то в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в кибитке, то в карете,
То в телеге, то в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь сулил.
На большой, на большой мне, знать, дороге
Умереть, умереть Господь сулил.

То ли дело, то ли дело быть на месте,
По Мясницкой, по Мясницкой разъезжать.
О деревне, о деревне, как невесте,
На досуге, на досуге помышлять.

То ли дело — рюмка рома,
Ночью сон, по утру чай,
То ли дело, братцы, дома...
Ну, пошел же! Ну, пошел же!
Погоняй!
То ли дело, то ли дело, братцы, дома...
Ну, пошел же! Ну, пошел же!
Погоняй!

1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон

У меня возникли ... Я не собиралась уезжать вообще из России.., вот, у меня возникли неприятности тоже, после того как я занималась сбором материалов по художникам — авангардистам, которые были замучены и умерли в сталинских тюрьмах.

Это, в принципе, был закрытый совершенно материал. Он нигде не был опубликован. Это только по архивам мы собирали, я собирала весь материал через людей, занимающихся искусством, которые еще помнили что-то, то есть это была большая довольно-таки работа.

Но, в принципе, возникли небольшие неприятности, и уже оставаться в России мне было очень неудобно.

Я сразу приехала... Это было 25-го июня, до сих пор помню, 89-го года... И мы сразу шли в полицию.... А в полиции мы сразу говорили, что мы приехали для того, чтобы попросить убежище.... Очень просто было.... В полиции взяли интервью, и через два месяца дали убежище. Да... Вообще, я не знаю, у каждого человека есть свои причины. Видимо, полиция сочла, что наши причины были достаточно вескими. Наверно.

2. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская

Ага, я понимаю... Игорь приехал как беженец. Вот... Он достаточно быстро получил разрешение на постоянное жительство здесь. А я уже приехала как к нему. У нас как бы соединение семьи было. Хотя я ехала сюда... я не могу сказать, что я с целью остаться ехала сюда..., то есть, я не взяла ни вещей своих, ничего ровным счетом... Для меня было важно, вот, увидеть его, пообщаться с ним, посмотреть на то, как он живет.

Вот... Я никаких иллюзий по этому поводу не имела, но когда я, в общем, приехала, ну, то как-то само собой получилось, что Игорь захотел, чтобы мы с Алей остались.

Вот, я не могу сказать, что я вот приехала сюда и вот была поражена, вообще, до глубины души большим количеством колбасы в магазинах или чего-то... Вот. Я как бы окунулась в какую-то райскую совершенно жизнь..., где мягко, спокойно, приглушенные голоса..., то есть нет опаздывающего транспорта, а все по минутам..., то есть для моей нервной системы, которая там была совершенно, в край расшатана..., вот это было, как лекарство лучшее. Я почувствовала себя, как под наркозом... Вот это состояние я очень хорошо помню. Вот, как-то... вот эта..., вся жизнь..., она была трудная там..., она отошла на задний план и как бы совершенно заштриховалась..., она уже мне была не нужна, я туда не хотела назад ехать.

3. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг

Ну, довольно тривиальная причина. Я вышла замуж за шведа..., ну, и думала, что все будет нормально, но мой муж имел проблемы, немножко с психикой... И он... Может быть, все было бы хорошо, если бы я была одна, но у меня был ребенок, и поэтому для моего мужа психически это стало трудно. Поэтому я попросила шведские власти помочь..., если я могу остаться, то оставить меня здесь, потому что я уже потеряла все в России, но если нет, то я

уехала бы обратно. Они поговорили с врачами моего мужа и оставили меня здесь.

Я жила в России... Я встретила моего мужа в России... Мы ехали вместе в поезде. И потом мы переписывались, и он приезжал в Россию, потом мы поженились, и я приехала в Швецию.

Вот.. Но когда люди приезжают сюда и выходят замуж, то здесь есть определенные правила. Человек должен в течение трех лет приходиться с мужем в полицию, чтобы виза продлевалась. Вот...

Ну, это можно было, конечно, сделать, но там невозможно было жить. Я просто боялась за жизнь даже ребенка, потому что были случаи, когда муж пытался что-то сделать очень плохое против него... Ну, мы вынуждены были от него уйти.., то есть поэтому там жить вместе было нельзя. Поэтому я и просила шведские власти, чтобы я имела возможность остаться здесь и жить одна. Ну, я эту возможность получила, потому что были серьезные причины для этого.

4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман

Я считаю, что все беженцы, которых я встречала за свои 25 лет, ну, не 25, они появились, скажем, 15 лет назад начали появляться, вот... Все, кого я встречала, все — экономические беженцы. Я не встретила ни одного человека, у которого была бы причина, политическая причина, чтобы они преследовались властями.

Я таких людей встречала, я встречала в других странах.., которых, можно сказать, высылали, как выслали в свое время того же Солженицына и целый ряд других известных диссидентов и менее известных диссидентов. Но здесь, в Швеции, я не встретила ни одного человека, который бы действительно имел какие-то конфликты с властями, которые бы его вынуждали просить политическое убежище... Ни разу...

Конечно, конечно, когда человек покидал страну, особенно если это были люди образованные, у них были и другие интересы: и чтобы они могли свободно работать, и чтобы они могли ездить... Ведь мы же заперты были в Советском Союзе. Потом очень многие думали о будущем детей. Они считали: « Ну, ладно уж мы, Бог с ним, а вот чтоб у детей была другая жизнь...»

Так что, конечно, есть причины, но они уж не настолько веские, чтоб менять страну... А так, конечно, переезд сюда означал улучшение в экономическом отношении... всегда, у всех, даже если они жили на социальную помощь.

Часть 2: ИЗУЧЕНИЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон

Мы начали с изучения шведского языка. Это заняло у нас довольно-таки долго, много времени..., прошло несколько лет, прежде чем мы смогли уже нормально... Мы открыли свое предприятие в 91-м году, то есть два года у меня ушло на обучение.

Многие русские говорили тогда : « Надо заниматься бизнесом, есть такая возможность...»... И владея английским языком ,— шведы же все говорят на английском языке, — в принципе можно очень хороший организовать здесь бизнес. А мы все-таки избрали чуть-чуть другой путь: именно с изучения языка, прежде всего. Потому что мы тогда еще понимали, или тогда уже понимали, что жить в стране и говорить на иностранном языке, человек много не добьется. Ну, в принципе, я нормально, совершенно спокойно разговариваю на шведском языке, и у меня нет проблемы выразить свои мысли и чувства.

2. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская

...И поначалу я быстрыми темпами как бы начала учить шведский язык. Не могу сказать, что он такой трудный прямо-таки этот язык..., вот, хотя в нем свои есть... фонетика у них трудная. Вот... Ну, одним словом, одного года я не доучилась до гимназического уровня, просто..., работать, мне работать надо было, мне надо было зарабатывать деньги для семьи, для дочери для своей. Вот...

Ну, одним словом, конечно, еще не поздно, можно бежать и заявлять себя на какой-то последний этап этого шведского языка, но у меня всегда дилемма: если есть работа, я, естественно, иду работать, потому что нужны деньги. Вот... А как правило... Ну, в общем, не знаю, здесь трудно сказать... Вечерами, конечно, тоже... после рабочего дня, вечерами бегать в какое-нибудь учебное заведение, имея семью дома... И, в общем-то, я живу с мужем без мамы, некому помочь... Вот... Это было трудно для меня, и, естественно, я отказалась от этой мысли постепенно.

3. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг

Шведский я почти не учила. Здесь много людей... те, которые учат шведский годами, но поскольку мне пришлось сразу работать, то на курсы шведского языка я не ходила. Я ходила только полгода, и говорю я все еще не очень хорошо... Хотя понимаю все, потому что потом я уже начала учиться технической специальности, инженера и эконома, и учила даже торговое право, и образование переводчика... то есть это все требует хорошего знания шведского языка...

Я читаю и понимаю все, что говорят и пишут, даже сложные тексты, даже шведских философов, даже старый шведский язык, но говорю я все еще плохо. Именно потому, что я почти не учила шведский язык, чтобы научиться правильно говорить.

Я читаю, слушаю, понимаю, отвечаю. Ну, может быть, потому что стесняюсь, я знаю, что я говорю с акцентом, поэтому иногда даже не получается говорить правильно, даже если ты можешь, потому что где-то стесняешься.

4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман

Я считаю, что если ты живешь в стране, — ты живешь в этой стране. Я не могу понять русских, которые годами здесь живут, слушают русское радио, смотрят русскую программу «Горизонт». Если у них нет кабельного телевидения, они покупают себе эту тарелку и ставят на балконе. У нас тарелки нет, если вы посмотрите на нашей крыше.

Я не смотрю русское телевидение. Моя мама живет здесь недалеко. У нее русское телевидение. Что я к ней бегаю каждый вечер смотреть его? Ничего подобного. Дай Бог, если я... Она мне позвонит... какая-нибудь балетная программа.., я очень люблю балет.., то я к ней пойду смотреть эту балетную программу, мне это интересно, всегда было интересно. Больше меня никакими калачами туда не заманишь смотреть русское телевидение.

Люди, живя в Швеции, узнают о событиях в мире и в стране через шведское радио. Я никогда в жизни не могла бы жить в стране, не зная языка, не зная, что в ней происходит, не читая газеты. Чтоб у меня хоть один ... день прошел без того, чтоб я не просмотрела газету или чтобы я не просмотрела вечерние новости... Такого у меня не бывает. Я должна знать, что происходит.

Причем газету я начала листать, еще совершенно не зная шведского языка, догадываться там, что здесь может быть. И мне казалось: вот это мне интересно.., и я брала словарь, и там смотрела слова, и пыталась понять, о чем идет речь.

Ну, в начале-то, первые четыре года, я только по-английски говорила. Когда Ане стало четыре года, и у нас стали появляться дети в доме, играть... Я ж не могла с детьми и с ней говорить по-русски, и тогда я перешла на английский, на шведский. Я поняла, что теперь нужно переходить на шведский.

Часть 3: РАБОТА

1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон

Мы открыли свое предприятие в 91-м году... Это я и моя сестра. Мы вдвоем... У нас 50 на 50 процентов акции..., и это было в 91-м году мы открылись.

Мы оказываем консультации, как юридические, так и правовые, торговые, таможенные, для шведских и русских предприятий. Мы помогаем некоторым предприятиям русским или..., больше сейчас предприятий русских, чем шведских предприятий..., именно организовать свою деятельность в Швеции.

Мы являемся поставщиками зерна в Санкт-Петербург и... поставляли в том году, начинали поставлять, и вот завтра..., в среду пойдут у нас..., но маленьких..., еще два корабля с пшеницей из Швеции.

У нас имеется дочернее предприятие, которое занимается строительством. И мы строим по заказам и занимаемся внутренней отделкой домов в Москве и строим в Москве... Поставляем строительные материалы, естественно, продаем сопутствующие материалы.

У нас есть отдел по образованию. Мы занимаемся образованием, организацией курсов..., курсов повышения квалификации. У нас были договоры..., у нас были договоры с..., мы обучали налоговую инспекцию всего северо-западного района России. У нас были контракты с банками, со Сбербанком России. Они приезжали здесь, сюда на обучение... и со строительными организациями.

У нас есть отдел туризма. Мы занимаемся туризмом.

У нас есть отдел по рекламе и печати. Мы издали три уже справочника, называется «Ваш деловой партнер — Швеция», где мы помещаем сведения и непосредственные контакты и описание продуктов тех шведских предприятий, которые хотят выйти на рынок, на российский. Тем самым мы помогаем им без посредников завязывать свои контакты в России. Печатаем это 10000 экземпляров каждый выпуск и распространяем бесплатно в России.

2. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская

Вот... И попала я в контору русского, и открывали мы с ним фирму, вернее, она уже была открыта, но искали помещение, закупали мебель, вплоть до того, что собирали ее. Вот.., тут у русского барыги.

Вот.. И там я засела, но выдержала я год, один лишь, потому что работать было не-воз-мож-но. Безграмотный, с тюремным прошлым.., в тюрьме отсидел бедолага 5 лет в России, перед тем как приехать в Швецию, за какие-то валютные махинации. Вот, значит, типичный «новый русский» с теми же золотыми цепями, с этими мобильными телефонами там и т.д...вот, который торговал водкой «Абсолют».

А человек был умен в том плане, что он, пытаясь обойти закон, он как бы дурачком прикидывался. Он мне говорил: «Подпиши бумагу, у тебя почерк красивее» А я, вроде как секретарем я никогда не работала, я не знала, что на секретарях тоже ответственность какая-то висит, вот и могут в любой момент просто привлечь к какому-нибудь.., к ответственности. Я подписывала там бумаги за него. Вот...

Почему я говорю?... В общем год я там выдержала, и я уволилась по собственному желанию. Это, заметьте, в условиях такой высокой безработицы, как в Швеции.., уйти по собственному желанию — это подвиг, я считаю. Мне было трудно от него отделаться, трудно было мне бросить этот хороший кусок хлеба с маслом, который он мне там платил, но я не могла, я не могла мириться с мыслью, что рано или поздно я сяду в тюрьму здесь.

3. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг

Я даже долго не искала работу. Я... Поблизости от дома был завод. Они делали электронику, такие аппараты, приборы, и меня взяли сразу же... Взяли монтером, потому что я еще не говорила по-шведски, но говорила по-английски и для технической работы это было вполне достаточно. И с тех пор, то есть через месяц... В мае мы приехали, и в конце мая я уже работала, и так я проработала там 6 лет.

Ну, одновременно получила потом два хороших образования и стала искать другую работу, потому что, конечно, на заводе работать было тяжело. Это цех, это шум, плохой воздух. И я работала очень много. Я училась и работала и вечерами, и в выходные. Ну, справилась...

Я уволилась полтора года назад, ну, и сейчас... А вот сейчас в Швеции безработица, и очень высокая, и поэтому у меня шансов найти работу практически нет. Во-первых, я не шведка, это понятно. Во-вторых, я уже старая. А в-третьих, у меня есть два хороших образования, но нет практики. Поэтому я могу такие случайные работы получать на несколько месяцев. Ну, иногда я получаю переводы, у меня еще и образование переводчика есть, но шансов очень мало, потому что высокая конкуренция, высокая безработица.

4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман

Мне доводилось встречать людей здесь, в Швеции, которых звали там, предположим, в Канаду. У них была возможность там получить более интересную работу и все, но в Канаде уже не было вот этой благотворительности, где вам выдадут квартиру четырехкомнатную, где вы прекрасно со всей семьей живете, и вам не хватает денег на квартиру, вы получаете социальную помощь..., вам ее..., и у вас эти расходы покрываются и так далее.

И люди совершенно откровенно отказывались от, в общем-то, перспективной профессии и гораздо более интересной жизни, потому что они говорили: «Мы никогда..., у нас никогда в жизни не будет такой квартиры в Канаде, как здесь, в Швеции». Так что более простой способ был остаться и как-то перебиваться, но это люди были способные и талантливые, и они в конце концов добились своего и неплохо живут и работают здесь, в Швеции. Но они с самого начала отказались от борьбы вообще... И все-таки вот так я смотрю на тех кто хочет работать, тот работает.

Часть 4: ОБЩЕНИЕ

1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон

У русских есть очень такая ... очень интересная черта... не знаю, не общаться друг с другом... Странно очень... Есть на то, наверно, причины, потому что, я думаю, что это сидит у нас в крови или в генах после сталинского периода... не знаю, но во всяком случае люди боятся друг с другом общаться... и сплетни, разговоры... кто-то что-то, может быть, скажет... то есть, я не знаю, но не общаются русские...

Ну, вот мы общаемся только своей семьей и естественно те небольшие контакты, которые... только деловые контакты. И то это, может быть, два, три человека, максимум.

2. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская

Итак, когда я приехала в Швецию, я была рада любой возможности общения, будь то русский, будь то японец, будь то американец, будь то англичанин,— все, кого я, в принципе, перечислила, были у меня из друзей. Из них остались англичане, японцы, американцы. Ну, из русских, быть может, семьи... семьи две-три, с кем я в достаточной мере общаюсь. Ну, притом-присем я не могу сказать, что тянет меня общаться с ними ежедневно или каждую неделю. Положим...

Почему так?... А потому что мы здесь не выбираем друзей себе. Здесь... русские встречающиеся., можно сказать так: вот они, и больше никто другой. Вот они есть, и поэтому я должна с ними общаться... Меня такая позиция не устраивает.

Вроде как все знакомые. Поначалу мы встречались большими, шумными компаниями, где были дети, родители, родители родителей и так далее, если таковые имелись. Вот, а мало- помалу как-то вот нашлись претензии, все разбежались по разным углам. Живут своими жизнями.

Вот, это, что касается... Не знаю, здесь, по всей видимости, должен быть какой-то глубокий психологический фактор, который заставляет людей избегать друг друга.

Я знаю здесь..., я знаю здесь несколько вот случаев, таких своеобразных... Например, в профессиональной группе, возьмем художников... Профессиональная группа художников... Положим, мы с вами находимся в Санкт-Петербурге. Вы и я — художник, художники. Появится у вас зависть

к моим работам, к моим выставкам, к успехам или же интерес, если мы друзья?... Интерес, скорее всего, правда ведь? Вот. А здесь, наоборот, я бы сказала,— не интерес к творчеству друга, а зависть... Потому что я периодически бываю вот на подобного рода выставках, вернисажах и так далее, и я очень хорошо вижу реакцию людей, я слышу, что они потом говорят за спиной друг у друга. Вот. Тоже самое, если.., у журналистов тех же, если мы берем, работающих на радио...

3. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг

Русские здесь... Мы не очень много общаемся друг с другом, все осторожны. Потому что... Ну, люди обычно знакомятся через друзей, через знакомых, и просто так приятелей здесь сложно найти. Люди становятся друзьями и уже много друг о друге знают и доверяют друг другу, а случайные люди как-то не очень популярны...

Потому что в последние годы в России было так много случайных людей, там и мафия, и бандиты, и неизвестно кто сюда приезжает. Поэтому люди осторожны в знакомствах. Это, видимо, все-таки как-то всегда было у русских людей, не знаю... При нашей простоте, мы все-таки выбираем знакомых.

...То есть это, наверно, видно невооруженным глазом, что мы здесь не очень общаемся друг с другом. Например, другие национальности, у них есть свои общины, у них какие-то организации, вот.., а русские, мы как-то сами по себе.

Есть, конечно, и друзья шведы, но это очень сложное такое понятие, потому что полностью со шведом другом быть не получается, потому что какое-то недоверие, может быть, оно всегда существует друг к другу... То есть все-таки шведы целиком не так открыты друг другу, как, скажем, люди в России или в Америке друг к другу... Даже между собой. А тем более к эмигрантам.

... Довольно трудно найти действительно общий язык. Они выглядят приветливыми, они стараются показать свое расположение, но настоящего, такого хорошего отношения почти не встретишь. Шведы осторожные. Только через много лет, может быть, знакомства, они начинают доверять, как правило. Хотя внешне все очень приветливо.

4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман

Очень мало здесь контактов между людьми. Очень многие не приживаются. Ну, вообще в Швеции же русские плохо приживаются. Швеция — не та страна. Вот, говорят, когда началась эта повальная эмиграция в Соединенные Штаты Америки в 70-е годы, то поехали же тоже кланами, семьями: старики и дети, и внуки, все. И все боялись, что старикам будет плохо, что они в общем никому не нужны будут и так далее, и так далее... Что же обнаружилось? Что оказалось, что в самом, в самом выигрышном положении оказались эти старики.

Потому что молодым нужно было работать, искать работу, зарабатывать себе на хлеб, биться за свое существование... Старики же были в таком возрасте, что они все получили какую-то там пенсию, или как это там называется в Соединенных Штатах, вот... я не знаю. Они получили какие-то все квартиры. Стали жить отдельно, независимо экономически, и, поскольку это в общем-то в основном народ-то еврейский был, там немножко другое отношение друг к другу.

Гораздо.., ведь почему вообще евреи выжили исторически?... Потому что они всю жизнь держались и держатся друг за друга и друг другу помогают..., и это, так сказать, сидит же у них в крови. Они между собой общаются и оказалось, что у них прекрасная жизнь. Они живут, им теперь не нужно пахать, за внуками смотреть и вообще чувствовать себя нахлебниками, что их содержат и т.д. Они экономически независимы, они живут отдельно, они общаются между собой. Они все помолодели там в Америке. Так что в разных странах по-разному, но здесь такого омоложения я не видела.

Часть 5: ПРАЗДНИКИ И КАК ОСТАТЬСЯ РУССКИМ В ЭМИГРАЦИИ

1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон

В семье у нас... У меня семья русская, и дети русские обязаны язык изучать. Они это делают. И у моей сестры родился здесь ребенок, и он великолепно говорит по-русски и по-шведски, естественно. Вот ему пять, шесть лет исполнилось недавно.

В Россию езжу..., я езжу очень часто, иногда два раза в месяц, но чаще раз в месяц, практически неделю я работаю в России: либо в Москве, либо в Санкт-Петербурге, либо вместе.

Мои дети, когда я приезжаю или еду в Россию, они заказывают все время привезти русский черный хлеб и соленые огурцы. Это они помнят. Я привожу с собой русские фильмы, старые, новые, записанные на кассеты... И обязательно мы смотрим, обсуждаем, то есть мы пытаемся сохранить русскую культуру.

И вот праздники мы справляем, дети очень рады. Мы справляем шведские и русские праздники: Новый Год, Рождество два раза, у нас же разные календари, Пасху... Поэтому дети наши очень довольны двойными праздниками.

2. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг

Для нас, когда мы живем все-таки в чужой стране, это достаточно важно понимать все, подходить правильно к решению вопросов, чтобы не делать глупостей, и в то же время оставаться самими собой, чтоб не менять себя внутри... Вот и все-таки это удастся, но для этого надо много знать и очень важно, чтобы тебя понимали правильно.

Хотя, конечно, очень многого в русской культуре не хватает. Например, это не современная культура, я не имею в виду современные, может быть, артисты и современные фильмы или что-то еще, а именно то, что внутреннее для русской культуры, то, что в душе русских людей. Например, я родилась после войны и была как бы воспитана на военных песнях, и вот их мне часто не хватает. Когда я их слышу или сама пою, я иногда плачу. Это слишком важно для меня, это такое важное воспоминание для души.

Ну, естественно, гордость за русскую культуру, русскую цивилизацию, и то, что народ пережил и прочувствовал, то, что дорого любому русскому человеку, это дорого и мне. И где-то гордишься тем, что есть и что важно для русских людей, вот.... Поэтому русским человеком хочется и остаться.

Хотя, конечно, адаптируемся здесь, вроде бы не пропадаем, вот.., но очень важно сохранить вот это русское в себе, и, думаю, что сохраняем.

3. Рассказывает Ирина Васильевна Басман

... Праздников-то нету... Новый Год справляется везде, шведы его справляют так же, как и русские. Ну, Рождества-то мы в России никогда не справляли, у нас его и не было... А здесь и Рождество и Новый Год справлять стали. А потом, собственно, что? 8-е Марта — тут мы даже забываем, что это праздник. А потом начинаются революционные праздники: 1-е Мая, 7-е Ноября, которые уже даже и в России-то не очень стали справлять.

Единственно что — вот Пасха, которую опять же в России мы не справляли никогда. Моя мама за свою жизнь ни одного кулича не испекла, куличи пеку я, приехав в Швецию. Она никогда пасхи не делала, делаю ее я. Дело же до абсурда доходило: я им из Швеции везла куличи и пасху, в гости ехала... Так что...

Пасху справляли очень немногие. Я еще помню, когда я была маленькая, в субботу, в канун Пасхи женщины шли в церковь. И всегда этот кулич.., он лежал на тарелке, сбоку яйца.., и все это заворачивалось в такой белый платочек.., ну, вот если мы.., вот это тарелка, на тарелке кулич, это у нас платочек.., вот так это связывалось, и вот так они несли, и вот все они шли с такими беленькими... Это белое обязательно было...

Они шли в церковь, но это было, когда я была совсем маленькая, в младших классах: 1-й, 2-й, 3-й. Потом это дело начали прижимать, и как-то все стали.., в общем, не стало этого видно.

И я очень хорошо помню... В школе нас допрашивали, кто ходил в церковь на Пасху, кто ходил святить кулич... Вот в субботу.., это нужно... то, что делалось в субботу, это называлось святить кулич... То есть вот с этим куличом шли в церковь, и этот священник спрыскивал его святой водой, там чего-то перекрестил, в общем, он стал каким-то там святым, хотя, ну уж как он это там.., я не помню, уж как там, я не знаю, как это объяснялось, но короче говоря, его освятили, он святым стал... И на следующий день... или,

вернее, это делалось опять же как: ночь..., эта служба, она же начинается с вечера и идет всю ночь до утра, и утром, возвращаясь из церкви, — это называлось разговлялись, — они начинали есть уже этот освященный кулич и яйца, яйца тоже там лежали рядом, крашенные, с этим куличом... И начинали это есть.

И вот спрашивали, святили ли они этот кулич и так далее.... Это нам устраивали допрос в школе учительницы. Это я помню. И я думаю, что вот примерно с началом этих допросов исчезли эти и старушки, видимо... Я-то этого не помню, потому что мы же были детьми и в нашем присутствии никогда же ничего... родители никогда не обсуждали политических проблем, потому что, не дай Бог, мы потом где-нибудь повторим что-нибудь, что говорилось дома, а этот человек окажется осведомителем. Поэтому родители в нашем присутствии ничего не говорили.

Но вот так вот, если подумать, то я думаю, что именно примерно в это время, видимо, где-то закрутили гайки, и старушек не стало видно... Потому что они исчезли с московских улиц., я очень хорошо их помню в детстве, но потом они исчезли.

Или уж несли свои куличи в каких-нибудь сумках, не видно было, что это в платочке. Во всяком случае раньше несли — все видели, что человек идет в церковь, идет святить кулич.

Часть 6: МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ

1. Рассказывает Вера Григорьевна Эфрон

Наша фамилия очень.., как фамилия очень знаменита в России — Эфрон. Это был большой издательский дом и типография Брокгауза и Эфрона. Все знают энциклопедию Брокгауза и Эфрона. Она сейчас даже переиздается и в современном издании. Люди пытаются переиздать ее в том виде, в каком наш дедушка родной ее издал. 84 тома было большой энциклопедии, 44 было средней, 10—малой.

Он занимался именно издательской деятельностью в России, в Санкт-Петербурге. Умер он в 1917 году, до революции. После этого у нас ничего не осталось, естественно, то есть не после этого, а после революции. И фамилия, не сказать, чтобы она умерла, но во всяком случае у нас больше не рождалось, так сказать, мальчиков, которые могли бы...

То есть фамилия на нас заканчивалась, то есть фамилия Эфрон на нас заканчивалась, и мы, в принципе, обещали нашему папе ее сохранить, что мы и сделали. Но я думаю, что мы первые с... после того большого перерыва с 1917 года и вот до сегодняшнего момента мы первые, которые пытаются что-то сделать или возродить нашу знаменитую фамилию.

2. Рассказывает Татьяна Гавриловна Эльберг

... Для меня сначала это было совершенно неприемлемо... Когда у ребенка еще в 5-6-м классе начались проблемы в школе, мне предлагали поселить его в приемную семью. Для меня это казалось невероятным, а потом, когда я поняла, что мне самой эту проблему не решить, потому что ребенок был подросток... Это такой трудный возраст, когда они не очень слушаются маму, наоборот, считают, что мама только вред приносит. Я поняла, что мне эту проблему самой не решить, тогда я согласилась на эту приемную семью.

У нас были проблемы. Но это... это все из-за того, что он жил в этом районе, где много эмигрантов. Он даже немножко начал курить гашиш, вот... Но все-таки с помощью шведских властей, потом я сама много энергии, конечно, приложила, вот... Ну, удалось это все благополучно пережить... Вот, и все-таки он встает на ноги и как личность, и как человек в обществе, но, конечно, очень важно, что мы имели такую хорошую социальную поддержку.

Даже приемная семья, в которой его поселили, хоть это простые люди... Они хотели сделать из него автомеханика, к чему он совершенно не приспособлен, потому что он — теоретик по своему складу, вот... Но все равно это было очень важно, потому что он все-таки ушел от той среды, в которой он пропал бы наверняка.

Но этот человек, у которого он живет сейчас, он очень интересный человек сам по себе, и очень много может дать ребенку. Потому что он — бывший знаменитый гонщик, он работал много педагогом даже в тюрьмах, то есть, он имел учеников самых разных наклонностей, способностей и возможностей, тех, которые попали в беду... И у него очень большой опыт общения с молодежью, вот... и при этом он такой человек, он сам, как ребенок... У него очень свежее восприятие, вот... и он много ездил по всему свету, участвовал в международных соревнованиях и работал педагогом. И получил несколько образований, то есть он просто очень интересный человек и может дать много. А это как раз то, что Сережке требуется.

Я...я просто счастлива, потому что в Швеции все-таки вот такой шанс получить — это было тоже почти нереально. Это — просто очень большая удача, потому что обычно люди, которые вот так занимаются детьми, это обычные простые люди, которые не очень... как... высоко целятся, можно сказать.

А вот именно этот человек, который сам в душе ребенок и при этом много знает и много умеет и к тому же способен оценить характер, интеллект и разобраться в этом правильно — вот это была очень большая удача, то есть я просто счастлива, что мы такой шанс получили.

3. Рассказывает Наталья Михайловна Саровайская

Мне претит, мне не нравится это, когда человек пытается показать из себя то, чего он не есть на самом деле. Ну, например, представьте себе, обыкновенный учитель музыки, закончивший Гнесинку* в Москве... Вот она приезжает сюда, таких здесь несколько... Вот, и все обставлено так, как будто бы приехал великий пианист.

* Гнесинка — Московское музыкальное училище имени Гнесина

Вы знаете, что это такое учитель музыки, выпущенный в Москве, здесь, в Швеции? Это, по меньшей мере, Рихтер, или я не знаю кто. То есть женщины — это чаще всего женщины, конечно — они пытаются давать частные уроки музыки... Вот. И на шведском, низком уровне образования это кажется не Бог весть чем, вообще.

Концерты дают жалкого исполнения.., жалкого, просто никудышного... Я была на вот двух таких концертах. Здесь есть одна преподавательница, которую, я считаю, к которой стоит идти. Она закончила консерваторию в Москве. Это гениальная от Бога преподавательница, гениальная... Все остальное, что здесь вроде как организуется...

Прошел семестр какой-то, четыре месяца обучения музыке, и этой женщине хочется показать свои достижения — она устраивает концерт. Здесь это очень просто. Вот она собирает детей для того, чтобы показать родителям, дать послушать им концерт этот. Но это примитивная игра... сравнить любого ученика того же возраста, положим, в Москве с умением вот этих шведских детей — это будет ничто, это будет жалкое зрелище. То есть там вот сидишь вот на этом концерте, беспрестанно смотришь на часы, но только потому что здесь несколько русских детей и их родители, естественно, приглашают всех русских для того, чтобы каким-то образом заполнить себе еще клиентов.

Есть такая еще черта, которая мне неприятна и очень неприятна. Желание выжать из ближнего своего все возможное. Например, нас тут мало, у большинства нет родителей, некому помочь и т.д. Но это не дает людям права просто садиться на шею и заставлять заниматься своими детьми, своей трехэтажной виллой.

Стоит только одному получить, в смысле, купить эту виллу, созываются все русские перевозить мебель, эту антикварную рухлядь из угла в угол... вот.., красить, малевать, только потому что денег нет элементарно нанять маляра или какого-нибудь обойщика, который прекраснейшим образом, конечно же, лучше, чем все остальные... Вот...

Этого слишком много здесь. Ну, хорошо, я там раз в году могу помочь поклеить обои кому-то, но, извините, заниматься этим раз пять в году: одному красить стены, вот.., другому мыть шкафы и так далее и тому подобное. Это очень трудно, на самом деле. Но не откажешься, как вы понимаете... Поэтому, когда зовут, приходится идти.

И все это рождает вот какой-то осадок, что лишний раз уже, беря трубку телефона, боишься вопроса: «А не свободна ли ты завтра? А не смогла бы ты там посидеть с моими тремя детьми, которому год, два и три?» Вот... Или

же там: «А не свободна ли ты завтра? А вот, значит, в моей вилле две комнаты.., в двух комнатах надо поклеить обои. Приедь помоги.» Ой! Что это со мной?

Нет, хорошо, конечно, когда всего этого понемногу. Другьям надо помогать, но я не могу сказать, что те люди, которые ко мне обращаются, — мои друзья прежде всего. Потому что... А вот так вот оглянешься вокруг, и действительно — а друзей-то вовсе и нет здесь.

4. Рассказывает Ирина Васильевна Басман

Вы знаете, я, вообще, не религиозная и, более того, я даже не крещеная. Потому что в те времена, когда я родилась, молодые не крестили своих детей, потому что им это могло выйти боком. Это делали обычно бабушки, которым терять вообще нечего было и у которых были совершенно устойчивые представления о том, что нужно делать и как нужно делать. Они считали, что ребенок должен быть крещеным.

А в моем случае получилось так, что у меня не было, вообще, родных бабушек. И мать моего папы и моей мамы, они умерли, когда те были еще детьми. Но, правда, была мачеха у папы, и моя мама сказала ей: «Что, может быть, мы все-таки окрестим Лиду?» А она сказала. Она была баптистка, а баптисты же крестятся, когда они совершеннолетние, и она сказала, что если она захочет, когда она вырастет, то она окрестится сама. А поскольку в Советской России молодая девчонка, комсомолка, — мы все были комсомольцы, — в голову такая мысль вообще не могла придти...

И, кстати, по поводу комсомола... Я совершенно случайно узнала, что вот люди, которые эмигрировали из Советского Союза в Соединенные Штаты Америки, отвечали на вопрос: «Был ли членом комсомола?» И меня этот вопрос, честно говоря, потряс. Это все равно что «Был ли ты грудным ребенком?» спросить. Потому что мы вступали в комсомол такими молодыми, такими индоктринированными системой... Мы еще не достигли того уровня.., мы не видели.., у нас же не было такой информации.., нам не с чем было сравнивать, мы росли в такой изоляции, и нас накачивали только одним, и для нас это было естественно, как вот переход из детства в юность.

Точно так же для нас это был переход в следующий этап. А вот дальше.., дальше, когда кончался твой комсомольский возраст, то тут уже ты говорил, что ты за человек. Или ты с удовольствием выходил из комсомола и с гордостью расставался с этой организацией, или ты продолжал уже дальше делать карьеру, потому что ты видел, что пребывание в партии тебе дает свои определенные преимущества.

Я говорю, это — все равно что перейти из детства в юность или начать ходить. Это был процесс такой же естественный. Мы просто никогда не думали об этом. Мы начинали думать позже. Нам же было 14 лет в стране, в полной изоляции, где тебя напичкивали только одной и той же, что мы лучше всех, что мы — самые прогрессивные, мы — самые передовые, мы — самые развитые. Мы — самые, самые, самые.

И я очень хорошо помню... Я была очень хорошей ученицей всегда. У меня были очень хорошие оценки всегда. Как правило, я была, пока это была женская школа. Сначала-то я училась в женской школе, там я была всегда лучше всех. Когда же мы оказались в смешанной, вместе с мальчишками, то я всегда была лучше всех девочек, причем не только в своем классе, но во всем выпуске... вот... и поэтому...

У нас же в школе до сих пор существует эта система медалей, золотых и серебряных медалей для... за... лучшим ученикам, которые даются. Золотая, если у тебя все отлично, а серебряная, если у тебя там одна четверка. У нас же пятибальная система... Самая высокая отметка — пять. Если у тебя одна четверка, тогда давали серебряную медаль, или даже две четверки, может быть, я не знаю.

Короче говоря, я была единственной претенденткой на медаль из девочек из всего выпуска: четыре класса, значит, по 30 человек там, из 120-ти человек, ну, там половина, поскольку, мальчишек, скажем так, или сколько их там было, я не знаю... У нас в классе их было даже две трети. Вот, 20 мальчиков и 10 девочек.

И я была единственной претенденткой, я могла теоретически получить медаль, но для этого нужно было, работать нужно было, дополнительно заниматься, нужно было там чего-то такое делать и так далее... А я этого ничего не делала, я делала ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы.., что требует обычная школа. Я ничего не делала сверх того, что требует школа.

С одной стороны, у меня очень хорошие ... склонности к филологии, и там язык, и все такое, а с другой стороны, у меня аналитический ум. Я в математике, в точных науках была очень хорошо, лучше всех девчонок тоже, и поэтому так и получилось.

А дополнительно я никогда ... Если я чем-то когда-то дополнительно и занималась, то это был только английский язык. Только потому что мне это нравилось, потому что я хотела его выучить. И, надо сказать, что я не зря старалась: в жизни он мне очень пригодился.

Песня:

О деревне, о деревне, как невесте,
На досуге, на досуге помышлять.
То ли дело — рюмка рома,
Ночью сон, по утрам чай.
То ли дело, братцы, дома...
Ну, пошел же! Ну, пошел же!
Погоняй!